

Вернебова
I в.
Материалы
к истор.
Моск. Грсу.
XVI - XVII ст.

A $\frac{259}{56}$

56
ТЕДОРЪ ВЕРЖБОВСКІЙ.

МАТЕРІАЛЫ

КЪ ИСТОРІИ

МОСКОВСКАГО ГОСУДАРСТВА

ВЪ XVI И XVII СТОЛѢТІЯХЪ.

ВЫПУСКЪ I.

Посольство Іоанна Кобенцеля въ Москву
въ 1575—1576 гг.

ВАРШАВА.

1896.

A 251
56

МАТЕРІАЛЫ
КЪ ИСТОРІИ
МОСКОВСКАГО ГОСУДАРСТВА.

ФЕДОРЪ ВЕРЖБОВСКІЙ.

МАТЕРІАЛЫ

КЪ ИСТОРІИ

МОСКОВСКАГО ГОСУДАРСТВА

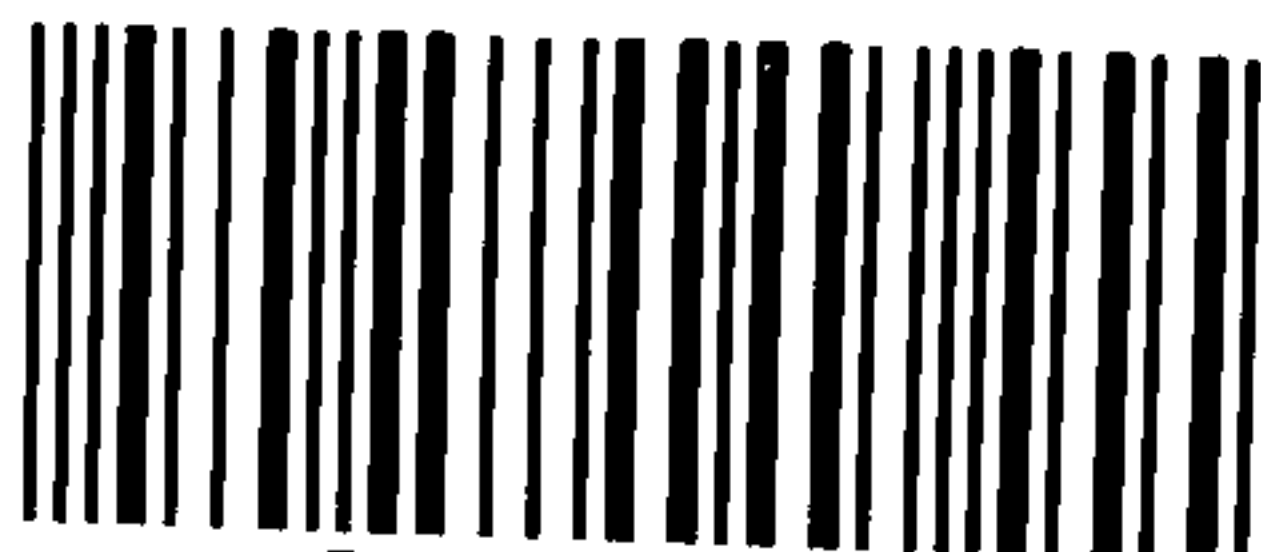
ВЪ XVI И XVII СТОЛѢТІЯХЪ.

ВЫПУСКЪ I.

Посольство Іоанна Кобенцеля въ Москву
въ 1575 — 1576 гг.

ВАРШАВА.

1896.



2007053694

10259
43452
1259
1576
ПОСОЛЬСТВО

Іоанна Кобенцеля

ВЪ МОСКВУ

въ 1575—1576 г.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

Федора Вержбовскаго.



ВАРШАВА.

—
ТИПОГРАФІЯ ВАРШАВСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА.

Краковское Предмѣстье № 3.

—
1896.

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Варшавскаго Университета.

Ректоръ *П. И. Ковалевскій.*

Въ сборникахъ матеріаловъ по русской исторіи¹⁾ и въ трудахъ русскихъ историковъ²⁾ находятся кое-какія данныя и сообщенія, относящіеся къ исторіи посольства Іоанна Кобенцеля въ Московское государство въ 1575—1576 годахъ. Однако эти данныя и сообщенія недостаточно полны и неудовлетворительны, отчасти даже ошибочны и сбивчивы. Обладая новыми матеріалами, относящимися къ указанному вопросу, постараюсь выяснитъ генезисъ названнаго посольства и дать

¹⁾ А. Starezewski, *Historiae ruthenicae scriptores exteri saeculi XVI*, vol. II, pag. VIII, 11 sqq.; Памятники дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ державами иностранными, I, 481; О. Бодянский, Докладъ о Московіи Іоанна Першиштейна (Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ, 1876, книга II-ая); Ф. Аделунгъ, Критико-литературное обозрѣніе путешественниковъ по Россіи до 1700 года, I, 184.

²⁾ Н. Карамзинъ, Исторія государства Россійскаго, IX, 235; С. Соловьевъ, Исторія Россіи, VI, 340; Д. Багалъй, Записки о Московіи Іоанна Першиштейна и принца (!) Даніила фонъ-Бухау (Кіевскія университетскія извѣстія, 1879, I); Г. Форстенъ, Балтійскій вопросъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ, I, 628; P. Pierling, *La Russie et le Saint-Siège, études diplomatiques*, I, 404 sqq.

въ руки изслѣдователямъ русской исторіи новыя, сюда же относящіеся, любопытные и важные документы.

Приобрѣтеніе Габсбургами венгерской короны (1527 г.) было весьма важнымъ событіемъ въ исторіи центральной Европы и достопамятнымъ фактомъ въ исторіи ихъ самихъ: оно, въ сущности, заставило ихъ передвинуть центръ тяжести династической политики съ Запада на Востокъ, такъ какъ соседство съ турецкими державами сильно затронуло существенные интересы этой династіи и стало угрожать тому ореолу могущества, какимъ она дотога славилась. Борьба съ турками пришлась Габсбургамъ не по силамъ и заставила ихъ въ восточной же Европѣ искать поддержки и союзниковъ. Они устремили взгляды на Польшу, такъ какъ съ царствующимъ въ ней Ягеллонскимъ домомъ ихъ уже соединяли кровныя связи, и старались вовлечь ее въ сферу своей политики; для того же, чтобы заручиться болѣе надежнымъ успѣхомъ, согласно указанію своихъ друзей въ Польшѣ и своихъ дипломатическихъ союзниковъ, агентовъ римской куріи, они стали направлять всѣ усилія къ приобрѣтенію польскаго престола еще при жизни бездѣтнаго Сигизмунда Августа и затѣмъ въ послѣдовавшій за его смертью междуцарствіа, когда польскій престолъ долженъ былъ быть замѣщенъ выборными голосами шляхты и сенаторовъ¹⁾.

Габсбурги, получивъ короны чешскую и венгерскую главнымъ образомъ благодаря поддержкѣ и содѣйствію аристократическихъ семей, думали этимъ же путемъ достигъ цѣли и въ Польшѣ. И дѣйствительно, агитація и проски австрійскихъ агентовъ нашли себѣ самую удобную почву въ средѣ

¹⁾ О. Вержбовскій, Отчеты о научныхъ занятіяхъ за границею IV-ый и V-ый (Варшавскія Университетскія Извѣстія, 1878 годъ, выпускъ 3, 1879 годъ, выпускъ 2; *Zabiegi cesarza Maksymiliana II o koronę polską, 1575—1576* (Ateneum, 1879, III, 407).

богатыхъ семействъ и сенаторовъ, въ особенности же литовскихъ пановъ. Болѣе другихъ сочувствовали австрійской кандидатурѣ Радзивиллы. не даромъ носившіе титулъ князей Священной Римской Имперіи, и игравшіе во всѣхъ событіяхъ въ Литвѣ едва ли на самую вліятельную роль. Они, равно какъ и другіе представители литовскихъ аристократическихъ семей, сильнѣе и гораздо больше польскихъ магнатовъ пропитаны были династическими и феодальными традиціями. Они же надѣялись при королѣ изъ Габсбургскаго дома легче, нежели при какомъ бы то ни было другомъ, удержать за собою самостоятельное, преобладающее политическое значеніе и общественное положеніе въ Литвѣ. Литовскіе аристократы, наконецъ, при содѣйствіи Габсбурговъ хотѣли вести свою „литовскую“ политику, хотя она шла въ разрѣзъ съ Люблинскою уніею, которую они утвердили, и съ ихъ не собственными культурными стремленіями, ибо они по религіи и по языку были уже совершенными поляками.

Въ исходѣ перваго междоусобія литовскіе паны заключили съ Максимиліаномъ II формальный трактатъ относительно избранія въ короли эрцгерцога Эрнеста, но не сумѣли провести этого выбора, такъ какъ ему помѣшала слишкомъ сильная въ Польшѣ партія Анжуйскаго принца, и такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ (напр. Ходкевичъ) не устояли противъ заманчивыхъ обѣщаній не скупившагося на слова французскаго посла—Іоанна Монлюка. Генрихъ Валуа обманулъ всѣ надежды, поэтому послѣ бѣгства его изъ Польши литовскіе сенаторы оказались тѣмъ болѣе расположенными въ пользу Габсбурговъ и порѣшили всѣми силами поддерживать эрцгерцога Эрнеста. На многихъ съѣздахъ и собраніяхъ, имѣвшихъ даже частный характеръ, они постоянно разсуждали объ этомъ, взаимно поддерживали другъ друга въ этомъ намѣреніи, завели съ императоромъ непосредственные переговоры, предлагали ему свои услуги, указывали средства и пути, какими можно было бы достигъ желанной для обѣихъ сторонъ цѣли.

Въ половинѣ марта мѣсяца 1575 года, слѣдовательно, за два мѣсяца до Стенжицкаго сейма (созваннаго на 12-ое мая),

на которомъ Максимиліанъ II надѣлся провести выборъ Эрнеста, собрались въ Вильнѣ виднѣйшіе литовскіе сенаторы, а именно: три Радзивилла: Николай, виленскій воевода, Николай Христофоръ, придворный маршалъ, Христофоръ, польный гетманъ и литовскій подчашій, затѣмъ Евстафій Волловичъ, троцкій канцелянтъ и вице-канцлеръ Великаго Княжества Литовскаго, Николай Тальвонъ, жмудскій канцелянтъ, и Николай Нарушевичъ, литовскій подскарбій¹⁾. Все они изъявляли готовность единодушно поддерживать австрійскую кандидатуру и отправили къ Максимиліану II конфиденціального посла Матвѣя Риглера съ цѣлью окончательно условиться, какъ слѣдуетъ повести дѣло, чтобы ожидаемый на Стенжицкомъ сеймѣ успѣхъ былъ полнымъ.

Однимъ изъ мотивовъ, побуждавшихъ литовскихъ пановъ стоять за австрійскую кандидатуру, безъ всякаго предварительнаго соглашенія относительно ея съ поляками, быть тотъ, что они ожидали, что Иванъ Грозный преклонится передъ авторитетомъ императора и ради него не станетъ беззаконно не только Литву, но даже Ливонію. Поэтому они поручили Риглеру просить императора, чтобы тотъ заставилъ царя выслать своихъ пословъ на Стенжицкій сеймъ съ торжественнымъ обѣщаніемъ, что онъ будетъ поддерживать дружбу и миръ съ Польшею и Литвою²⁾ лишь въ томъ случаѣ, если на литовско-польскій престолъ будетъ избранъ сынъ императора—эрцгерцогъ Эрнестъ; если же московскіе послы не подоспѣли бы къ сейму, то императоръ отъ себя долженъ дать торжественное обѣщаніе, что царь не поступитъ иначе, и что онъ воздержится отъ всѣхъ непріятельскихъ дѣйствій противъ Литвы и Ливоніи до тѣхъ поръ, пока не состоится выборъ короля. Однимъ словомъ, литовскіе паны требовали, чтобы Максимиліанъ II вступилъ съ царемъ въ переговоры по польскому дѣлу и не медля отправилъ съ этою цѣлью въ Москву своего посла.

¹⁾ См. Приложенія № 1.

²⁾ См. Приложенія № 2.

Максимиліанъ II съ удовольствіемъ принималъ заявленія преданности и проекты своихъ друзей и увѣрялъ ихъ, что желаетъ удовлетворить всѣ требованія ихъ¹⁾, но, въ сущности, онъ не могъ смотрѣть на дѣло съ точки зрѣнія узкихъ партійныхъ и партикулярныхъ интересовъ, прежде же всего, онъ долженъ былъ принять въ расчетъ разныя другія обстоятельства, и преимущественно не терять изъ виду своихъ сторонниковъ въ самой Польшѣ. Поэтому 25 апрѣля онъ отвѣтилъ Риглеру, что отправленіе имъ пословъ въ Москву не можетъ состояться немедленно, во первыхъ, по недостатку времени передъ предстоящимъ уже Стенжицкимъ сеймомъ, во вторыхъ же, по той причинѣ, что такое посольство вызвало бы въ полякахъ возможное и вполне понятное подозрѣніе, послѣдствіемъ котораго была бы, конечно, потеря сторонниковъ въ Польшѣ и сильнѣйшая вражда шляхты противъ Габсбургской кандидатуры. Императоръ однако старался разсѣять опасенія литовскихъ пановъ заявленіемъ, что Иванъ Грозный не имѣетъ основанія враждовать противъ нихъ, и если онъ раньше высказался въ пользу Эрнеста, то и теперь не откажетъ ему въ содѣйствіи. Впрочемъ, Максимиліанъ II увѣрялъ, что послы, о которыхъ ходатайствовали литовскіе папы, будутъ имъ отправлены въ Москву, по уже послѣ того, когда въ Польшѣ состоится выборъ короля²⁾.

Максимиліанъ II павѣрное ожидалъ, что его посламъ удастся провести желаемый выборъ на Стенжицкомъ сеймѣ. Въ Стенжицу, дѣйствительно, явились многіе коронные сенаторы, которые заранѣе пообѣщали подавать голоса въ пользу австрійскаго кандидата; пріѣхали туда съ этою же цѣлью и литовскіе папы; тѣ и другіе имѣли большіе отряды войска, въ значительной части нанятаго на деньги, доставленные императорскими агентами. Шляхта однако быстро смекнула, чѣмъ угрожаетъ ей такое положеніе дѣла, и, сорвавъ сеймъ, разстроила всѣ планы Габсбургской партіи. Руководителямъ

¹⁾ См. Приложенія № 3.

²⁾ См. Приложенія № 4.

последней снова пришлось дѣлать ту же работу: съ большимъ трудомъ и усиленіемъ поддерживать единогласіе между всеми составными элементами партіи, впродѣ до будущаго избирательнаго сейма, который былъ созванъ въ Варшавѣ на 7-ое ноября того же 1575 года.

Литовскіе сенаторы были весьма недовольны своею поѣздкою въ Стенжицу, потому что они принципиально признавали этотъ съѣздъ незаконнымъ; явившись туда, они сдѣлали уступку требованію императора и его пословъ, между тѣмъ не была достигнута главная цѣль этой поѣздки и задача сейма—выборъ короля—Габсбурга. Въ дѣйствительности, однако, пребываніе въ Стенжицѣ не было для нихъ вполне безполезнымъ, такъ какъ они воочію могли убѣдиться въ сильной ненависти къ Габсбургамъ со стороны многочисленной партіи въ Польшѣ и въ большомъ расположеніи польской шляхты къ московскому кандидату, который для нихъ былъ желателенъ менѣе нежели какой бы то ни было другой¹⁾; въ добавокъ, они могли тоже замѣтить, что многіе польскіе сенаторы Габсбургской партіи больше клонились въ сторону выбора самого Максимилиана II, нежели его сына—эрцгерцога Эрнеста.

Все эти факты осложняли положеніе и мѣшали литвинамъ въ осуществленіи ихъ плановъ. Самый большой дипломатъ среди нихъ—Николай Христофоръ Радзивиллъ—особенно сильно былъ озадаченъ стенжицкими впечатлѣніями и, вѣроятно, по соглашенію съ прочими литовскими сенаторами, еще на возвратномъ пути изъ Стенжицы отправилъ къ Максимилиану II новаго конфиденціальнаго посла, пѣкоего Георгія Ганновіуса а Шонау, давъ ему весьма важныя порученія²⁾.

Суть ихъ заключалась въ слѣдующемъ. Литовскіе сенаторы предлагали Максимилиану II хорошо подумать о томъ, не

¹⁾ О. Вержбовскій, Отношенія Россіи и Польши въ 1574—1575 гг. (Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1882, часть ССХХІІ, отд. 2, стр. 217).

²⁾ Инструкцію Радзивилла Ганновіусу, весьма интересную по содержанію, впервые печатаемъ цѣликомъ, Приложенія № 5.

было ли бы лучше, еслибы эрцгерцогъ Эрнестъ былъ избранъ въ королѣ одними представителями Литвы, Пруссіи и Ливоніи и только впоследствии завладѣлъ Польшею? Если императоръ согласится на такой планъ или проектъ, то долженъ къ 1 августа прислать въ Вильно или въ Гродно тайнаго агента, съ которымъ литвины условились бы окончательно относительно всѣхъ подробностей, касающихся приведенія въ исполненіе такого проекта; вмѣстѣ съ этимъ агентомъ долженъ прибыть и другой, который вслѣдъ за тѣмъ отправился бы въ Москву. Сообщивъ царю о планахъ императора, онъ долженъ былъ бы просить его черезъ пословъ своихъ вступить за Эрнеста, а пока не мѣшать осуществленію плана ни интригами, ни войною, напротивъ, соблюдать миръ, который по водвореніи Эрнеста въ Литвѣ и въ Польшѣ былъ бы замѣненъ общимъ тѣснымъ союзомъ съ цѣлью изгнанія турокъ изъ Европы. Сверхъ того, упомянутому послу своему въ Москву императоръ долженъ былъ дать еще одно дѣйствительно щекотливое порученіе. Литовскіе сенаторы, подъ вліяніемъ Стенжицкихъ наблюденій и опытовъ, пришли къ той мысли, чтобы съ своей стороны предложить полякамъ выборъ въ королѣ Московскаго царя, однако не искренне, но съ дипломатическою цѣлью. Они полагали, что поляки въ дѣйствительности не благоволятъ къ царю, а выставляютъ кандидатуру его на первый планъ лишь для того, чтобы пригрозить литвинамъ и заставить ихъ отказаться отъ Габсбургскаго кандидата. Разсчетъ литовскихъ сенаторовъ былъ такой: когда поляки увидятъ, что литвины сами предлагаютъ выборъ царя, устроятся этого и согласятся на ихъ кандидата, то есть, на Габсбурга. Однако Радзивилъ и товарищи его не вполнѣ вѣрили въ успѣхъ подобной комбинаціи, и чтобы самимъ не попасться въ собственную же ловушку, просили Максимилиана II, чтобы отправляемый въ Москву посолъ старался уговорить Ивана Грознаго не принимать выбора въ польскіе королѣ, увѣривъ его, что литовскіе паны сдѣлали ему на этотъ счетъ притворное предложеніе¹⁾;

¹⁾ С. Соловьевъ, Исторія Россіи, VI, 322 sqq.; О. Уманецъ,

если же выборъ послѣдовалъ бы, то царь черезъ пословъ пусть бы извинился передъ польскими и литовскими чинами, или своими преклонными годами, или занятіями по управленію своимъ государствомъ, а вмѣсто себя предложилъ бы имъ возвести на престолъ эрцгерцога Эрнеста.

Предложенія Радзивилла, служившія доказательствомъ искренней преданности Габсбургскому дому, были благосклонно приняты Максимиліаномъ II¹⁾, но не признаны удобными и цѣлесообразными: онъ вѣжливо отвергъ ихъ въ отвѣтъ, данномъ Ганновіусу²⁾, обѣщая прислать въ Литву къ 1-му августа своего агента Іоанна Кохтицкаго и черезъ него дать болѣе подробныя объясненія относительно своихъ замысловъ; онъ пообѣщалъ также въ непродолжительномъ времени отправить въ Москву одного изъ шляхтичей своего двора, однако не для такихъ переговоровъ съ царемъ, о какихъ писалъ Радзивиллъ, но просто съ увѣщаніемъ, чтобы царь соблюдалъ миръ съ Польшею и Литвою и, подобно тому какъ въ первое междоусобице, высказался въ пользу избранія въ польскіе короли эрцгерцога Эрнеста. Кохтицкому онъ, дѣйствительно, приказалъ немедленно отправиться въ Литву³⁾ и прежде всего повидаться съ Николаемъ Христофоромъ Радзивилломъ; но, какъ

Русско-литовская партія въ Польшѣ (Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1875, часть 182, стр. 265).

¹⁾ Приложенія № 6.

²⁾ Приложенія № 7.

³⁾ Инструкція для Кохтицкаго, помѣченная 7 іюля 1575 года, не содержитъ ничего новаго въ сравненіи съ отвѣтомъ, даннымъ того же числа Ганновіусу. Относительно посла въ Москву сказано въ ней слѣдующее: „Was aber die berürte unsern oratorn übergebne, so wol auch durch gedachten seinen diener (Ганновіусъ) an uns gebrachte artikel unnd erstlich die für guet angesehene Schickung inn die Moskaw betreffe, weren wir alberait im werck ainen von adel dahin abzufertigen vnnnd denselben Grossfürsten zu vermahnen, dass er mit dem Grossherzogthumb Littaw, so wol auch dem Königreich Polen, guete Nachbarschaft halten, auch, da es zur neuen wahl komen, unnd dieselb auf unsern geliebten Sohn erzherzog Ernten oder villeicht uns fallen solte, er nit

видно изъ послѣдующаго, и ему тоже не велѣлъ говорить ничего опредѣленнаго, что могло бы ободрить литовскихъ пановъ и внушить имъ убѣжденіе, что императоръ раздѣляетъ ихъ образъ мыслей или одобряетъ ихъ планы.

Они были недовольны особенно тѣмъ, что не являлся обѣщанный посолъ императора въ Москву. На этотъ разъ Янъ Ходкевичъ, виленскій каштелянъ и великій маршалъ литовскій, взялся вновь хлопотать о скорѣйшемъ отправленіи упомянутаго посланника. Онъ поручилъ своему секретарю Яну Нарбутту ѣхать въ Краковъ къ Андрею Дудичу, постоянному агенту императора въ Польшѣ, и поставить ему на видъ необходимость предварительнаго соглашенія императора съ царемъ относительно польскаго дѣла. Дудичъ не могъ самостоятельно рѣшать столь важнаго вопроса, ни даже дать по нему требуемыхъ обстоятельныхъ объясненій, поэтому отослалъ Нарбутта къ самому Максимилиану II въ Прагу. Нарбуттъ явился туда въ половинѣ августа мѣсяца; онъ увѣрялъ, что Ходкевичъ тоже не желаетъ избранія царя въ польскіе короли, но опасается, чтобы поляки, въ особенности же шляхта русскихъ воеводствъ, не провели этого выбора, и совѣтуетъ по-этому, чтобы императоръ немедленно отправилъ кого-либо въ Москву и уговорилъ царя не прельщаться польскими предложеніями, но поддерживать кандидатуру эрцгерцога Эрнеста; при этомъ Ходкевичъ приказалъ Нарбутту доложить Максимилиану II, что царя можно перетянуть на свою сторону, пообѣщавъ ему союзъ противъ турокъ и уступку Восточной Имперіи, а пока необходимо вытребовать у него обѣщаніе, что онъ не станетъ беззаконно Литву и оставить въ покоѣ Ливонію¹⁾.

allain solche wahl nit hindern, sonder auch dieselb nit weniger als vormaln beschehen, befürdern wolte. Des genczlichen versehens, nachdem bemelter Moskowitter sich gegen uns noch wie zuvor aller freundlichen zunaigung und gueten willens vermereken liesse, es wurde solche vermahnung bei ime nit wenig erspriesslich sein“. Оригинальный брульонъ въ Вѣнскомъ архивѣ, Polonica, sub data.

¹⁾ См. Приложенія № 8.